

3. Деревня Быги – центр удмуртского туризма [Электронный ресурс]. – URL: <http://kp74.ru/derevnya-bygi.html>.
4. Объявлен конкурс «Культурная столица финно-угорского мира 2015» [Электронный ресурс]. – URL: <http://uralic.org/novosti/obiavlien-konkrus-kulturnaia-stolitsa-finno-ugorskogo-mira-2015>.
5. Положение программы «Культурные столицы финно-угорского мира (2014–2017 гг.)» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.facebook.com/events/союз-учёных-удмуртии/культурная-столица-финно-угорского-мира/522125441167408/>.
6. Положение программы «Культурные столицы финно-угорского мира» от 15 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://media.voog.com/0000/0035/4071/files/Statutes_2018-2022%20RUS%20-1.pdf.
7. Финно-угорские культурные столицы представили на 30-й сессии совета по правам человека в Женеве [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uralic.org/novosti/finno-ughorskiie-kulturnye-stolitsy-priedstavili-na-30-i-siessii-sovieta-po-pravam-chielovieka-v-zhienievie> 25.09.2015.
8. Эстонская деревня обрела статус культурной столицы финно-угорского мира [Электронный ресурс]. – URL: <https://baltija.eu/news/read/39611>.
9. Finnugor kulturális főváros címet visel Veszprém [Электронный ресурс]. – URL: <https://veszpreminfo.hu/record/finnugor-kulturalis-fovaros-cimet-visel-veszprem>.
10. Finnugor kulturális főváros hírei [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.veszprem.hu/veszpremieknnek/hirek/kulturalis-hirek/finnugor-kulturalis-fvaros>.
11. Iszkaszentgyörgy. Finnugor Kulturális Főváros 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://iszkaszentgyorgy.wordpress.com/2016/>.
12. Soome-ugri kultuuripealinn Obinitsa [Электронный ресурс]. – URL: <https://opleht.ee/2015/01/soome-ugri-kultuuripealinn-obinitsa/>.

УДК 316.42

А. М. Пономарёв

*Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН
(Ижевск, Россия),
e-mail: amp08@mail.ru*

ЭТНОКУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВАЦИИ ПРОТИВ ТРАДИЦИИ?

Аннотация. В выступлении затронуты проблемы формирования этнической инфосферы. В частности, указывается, что формирование этнической инфосферы для развития этноса содержит и возможности, и риски. Основной риск – «конструирование» этнической идентичности, которая является заменой этнической сущности, симулякр. Эта ситуация актуализирует субъектность этнической общности, которая возможна только на основе традиции.

Ключевые слова: этническая информационная сфера (инфосфера), этническая идентичность, этническая традиция, этническая культура, ценностно-нормативное ядро, этническая субъектность.

.....

ETHNIC CULTURE IN THE INFORMATION SOCIETY: INNOVATION VERSUS TRADITION?

Abstract. The article considers the problems of the formation of the ethnic infosphere. In particular, it is indicated that the formation of the ethnic infosphere for the development of an ethnos contains both opportunities and risks. The main risk is the “construction” of ethnic identity, which is a substitute for ethnic essence with a simulacrum. This situation actualizes the subjectivity of the ethnic community, which is possible only on the basis of tradition.

Keywords: ethnic information sphere (infosphere), ethnic identity, ethnic tradition, ethnic culture, value-normative core, ethnic subjectivity.

Трансформации, происходящие в современном обществе, ставят перед немногочисленными этносами проблемы их самосохранения и развития в новых исторических условиях. Ситуация складывается двойственная. С одной стороны, новые тенденции несут риски, с другой – содержат новые возможности. Эта двойственность актуализирует проблему субъектности в новых социальных условиях. Формирование этнической расширенно трактуемой инфосферы на основе новых информационно-коммуникативных технологий относится к числу таких тенденций.

К позитивным аспектам указанной тенденции относятся расширение этнотематических коммуникативных возможностей, формирование этнокоммуникативных сообществ, членами которых являются не только представители тематической этнической общности. Одним из практических следствий функционирования таких сообществ являются, например, акции поддержки, привлечение дополнительных ресурсов для решения конкретных проблем. В качестве примера из удмуртской практики можно привести сбор подписей под петицией, требующей сохранить факультет удмуртской филологии в его самостоятельном статусе [7], или сбор средств для производства мультфильмов на удмуртском языке [8].

Не менее важным является создание этнической инфосферы, уже понимаемой в менее широком смысле как информационная база данных по истории и культуре конкретного народа. Речь идет не только об «оцифровке» того, что называется культурным наследием: материалы этнографических и фольклорных исследований, воспоминания, авторская национальная литература и музыка и т. п.; не только о связанности в сети этих баз данных и свободном доступе к ней пользователей. Информационная среда сегодня является частью базиса для воспроизводства и развития этноса.

Современное существование этноса носит странный характер. Повседневность этнофоров пронизана продукцией глобализации. Чупа-чупс и пепси продаются в любой, даже крохотной однонациональной деревне, голливудский фильм о проблемах США или по мотивам комикса – явление ежевечернее, в отличие от сказаний и песен своего народа, с которыми этнофор встречается раз-другой в течение года на фольклорном фестивале. Эти этнические действия наглядно демонстрируют, что этничность существует как знание экспертов, поддерживаемых специальными институциями (в России обычно государственными). С этой точки зрения создание этнической инфосферы является необходимым условием воспроизводства этничности, ее самоидентификации, а увеличение числа ее пользователей – способом ее расширенного воспроизводства.

Таким образом, можно констатировать, что создание видео-, аудио-, фото- и библиотек является необходимым базисом для сохранения этносов в условиях общества, которое обозначают и как глобалистское, и как постиндустриальное, и как постмодернистское, и как информационное. Перечисленные термины обозначают различные аспекты комплексного и противоречивого процесса, захватывающего все аспекты, стороны современной жизни общества на всех его уровнях. Но не следует забывать, что именно охваченное этим процессом общество У. Бек характеризует как общество рисков: «...речь идет о цивилизационном саморазрушении, в котором виноваты не Бог, не боги или природа, а человеческие решения и промышленные успехи, которые порождаются самими цивилизационными притязаниями на формы выражения и контроля» [1, с. 74].

Понимание формирующейся этнической инфосферы в качестве «формы выражения и контроля» этничности конкретного народа заставляет обратить внимание на негативные аспекты этого процесса, те риски и угрозы, которые он несет. На наш взгляд, в российском финно-угорском мире, который переживает своеобразную эйфорию от новых технологий, торопится наверстать упущенное, эта проблема осознана слабо, неотрефлексирована и практически даже не поставлена. Следовательно, упомянутые риски и угрозы не могут быть купированы, предотвращены и рано или поздно проявятся как сила саморазрушения этноса изнутри него самого.

В первом приближении совокупность рисков для этнического развития, порождаемых новыми информационно-коммуникативными технологиями, может быть разделена на два типа. Первый тип рисков, относимый к новым социальным проблемам, охватывает все «классические» социальные общности, в том числе этносы. Новые социальные проблемы, по сути, есть новая форма выражения социального неравенства. В отношении информационных технологий данные проблемы формулируются как риск непредставленности, информационного неравенства, цифрового раскола. Е. Г. Дьякова пишет, что этот риск «относится к числу новых социальных проблем. Под “информационным неравенством” понимается неравный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям» [3, с. 202] и является поражением в информационных правах.

Существующая ситуация с инфосферой финно-угорских народов России может рассматриваться как аргумент в подтверждение тезиса об их неравенстве с соседними народами. Дело в том, что этническая инфосфера – не только базы данных. Функционирование инфосферы – также навыки пользования ею, мотивация к такому использованию, контент и, что не менее важно, доступ к инфосфере. Последнее вызывает особое беспокойство, так как большинство финно-угров, как и прежде, являются жителями села, которые в гораздо меньшей мере охвачены бесплатным Интернетом и имеют меньше возможностей его использования на коммерческой основе. Не в последнюю очередь это является результатом того, что российская «...государственная политика в сфере информатизации практически не ориентирована на запросы общества, а участие институтов гражданского общества в решении проблем информатизации носит даже не лоскутный, а “очаговый характер”» [3, с. 212].

Обнадеживает рост понимания как обществом, так и органами государственного управления важности вопроса: кто будет заниматься информатизацией? Этот процесс не может быть доверен исключительно бизнесу. Есть понимание и того, что государство не может решить проблему информационного неравенства без участия сообществ граждан. Важно понимать в этом контексте, что гражданский аспект

.....

имеет и территориальное, и этническое измерение. С этой стороны обнадеживающим фактом является рост числа энтузиастов, на общественной основе занимающихся строительством и развитием финно-угорской инфосферы.

Второй тип рисков охватывает процессы, которые можно обозначить как внутриэтнические. Это не только вопросы мотивации использования инфосферы. Это вопросы пересечения личностного (в том числе авторского) и этнического в культуре, это проблемы порождения «новых этнокультурных миров», связанные с вопросами межкультурной коммуникации, сохранения этнической тождественности, производства «фальш-панелей», порождаемых коммерциализацией этнокультурного наследия.

Осмысление рисков второго типа, их блокирование есть ситуация решения о выборе стратегии дальнейшего этнического развития. Ситуация выбора – это ситуация актуализации субъектности этноса, так как выбор предполагает оценку веера возможностей, что в свою очередь актуализирует проблему ценностных оснований оценки. «Ценности связывают этнос с собственной социальной системой и социальными структурами других культур. Ценности – это те значения и смыслы, которые определяют стратегический и тактический путь народа, наполняют содержанием его жизнь и помогают “вписаться” в разные группы в разные эпохи и времена» [2, с. 194].

К сказанному А. А. Гагаевым можно добавить, что ценностно-нормативная система этноса является ядром его субъектности, т. е. его сущностью. Именно в этой области новые информационно-коммуникативные технологии, виртуализируя этнос, несут наибольший риск. Об этом риске проговаривается модный термин «национальная/этническая идентичность», для формирования которой в первую очередь требуется создание этнической инфосферы. Без инфосферы идентичность, с которой человек может идентифицироваться, не может быть сконструирована. При этом забывают, что «идентичность есть субститут сущности в состоянии постмодерна. Сущности-идентичности отрываются от своих привычных материй и получают автономное существование. Из подобного отрыва, например, вырастает вся современная гендерная проблематика, когда сущность пола превращается в идентичность гендерного конструкта, сущность этноса – в национальную идентичность, а классовая сущность трансформируется в нечто вроде “стиля жизни”» [5]. Иными словами, предлагается то, чего нет, симулякр – опустошенный след того, что было. В контексте дискуссий о российской национальной идентичности Д. Тренин пишет: «...разговор о национальной идентичности как раз свидетельствует об отсутствии нации. Если есть у вас нация, то, в общем-то, вам понятно, в чем заключается ее идентичность. Если у вас этого нет, то вы начинаете думать и конструировать какие-то вещи...» [6].

Основной внутренний риск развития этноса в информационном обществе – это разрушение естественно-исторически эволюционирующей сущности каждого этноса виртуальным конструктом-идентичностью, когда человек может идентифицировать себя сегодня как «мариец», завтра – как «эльф», послезавтра – как «рэпер», когда этничность превращается в стиль, игру, в которую легко может включиться любой и из которой выйти столь же легко, как войти, когда этничность конвертируется в преходящую модность, с которой можно получать разнообразный профит.

Платформой, на которой можно противостоять этой угрозе, является традиция. Но традиция, понимаемая не как консервация культурного наследия, а как постоянная тематически заданная само- и переинтерпретация, т. е. дискурсивно.

Этнический дискурс в данном случае может трактоваться в качестве тематически однонаправленных самоописаний, фокусом которых выступают этнические ценности. Рассмотренные в этом аспекте этнические ценности в свою очередь могут трактоваться одновременно и как оператор дискурса, и как часть актуальной этнической традиции. Дискурсивно трактуемая этническая традиция превращается в «...способ отношения, <...> проецирование норм нынешнего существования в “прошлое”, <...> превращение этих норм в объекты оценочного отношения, то есть ценности», в «инерционную систему» исторического движения этноса [4, с. 388, 389].

Дискурсивность как один из модусов современного существования этноса, его практики позволяет, во-первых, превратить трактуемую как базы данных инфосферу в элемент повседневности этнической жизни. Во-вторых, открывает возможность на основе критической коммуникации контролировать производство «новых этнокультурных миров», «новых этнокультурных продуктов», их элементов в качестве аутентичных или чуждых. Благодаря этому появляется возможность трансляции этих продуктов, их элементов из режима онлайн в материальную повседневность, если они признаны аутентичными, либо отвергать в качестве инородных, блокировать эксплуатацию культурного наследия, если они не признаны этнофорами аутентичными. Помимо этого, происходит интеграция в современную этническую жизнь в качестве ее обыденного, «традиционного» компонента и баз данных, и экспертных оценок. Рост доступа к интернет-технологиям позволяет расширять число участников критической коммуникации, что повышает репрезентативность и валидность достигаемого согласия, а также повышать экспертность суждений участников.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. – 304 с.
2. Гагаев А. А. Угро-финский космо-психо-логос. – Саранск, 2009. – 614 с.
3. Дьякова Е. Г. «Информационное неравенство» как легитимная социальная проблема: культурные различия в рамках «большого нарратива» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – Вып. 8. – С. 201–214.
4. Зильберман Д. В. Генезис значения в философии индуизма. – М., 1998. – 488 с.
5. Мартянов В. С. Конфликты идентичностей в современном мире: о справедливости иерархических и плюралистических стратегий урегулирования [Электронный ресурс]. – URL: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/martianovvs.php> (Дата обращения: 19.03.2015).
6. Тренин Д. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/04/22/trenin.html> (Дата обращения: 19.03.2015).
7. Требуем сохранить факультет удмуртской филологии в его самостоятельном статусе! [Электронный ресурс]. – URL: https://www.change.org/p/ливанов-дмитрий-викторович-требуем-сохранить-факультет-удмуртской-филологии-в-его-самостоятельном-статусе?utm_campaign=friend_inviter_chat&utm_medium=facebook&utm_source=share_petition&utm_term=permissions_dialog_false&share_id=qRBBXYVIQp&expired_session=true (Дата обращения: 10.04.2020).
8. В Ижевске собирают деньги на мультфильм на удмуртском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.myudm.ru/news/2014-09-29/v-izhevske-sobirayut-dengi-na-multfilm-na-udmurtskom-yazyke-video> (Дата обращения: 10.04.2020).